

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
К12

Серия «Самая страшная книга»
Серийное оформление: *Юлия Межова*

Кабир, Максим Ахмадович

К12 Пиковая Дама / Максим Кабир.— Москва: Издательство АСТ, 2020.— 504, [1] с.— (Самая страшная книга).

ISBN 978-5-17-119113-9

«Пиковая Дама, приходи!»

Слова, которые, как гласит старинное поверье, надо произнести несколько раз, стоя перед зеркалом, чтобы призвать таинственный призрак. Мистический обряд, который многие воспринимают как шутку, веселое и немножечко жуткое развлечение. Но с зеркалами не шутят, ведь Зазеркалье — это мир мертвых. И горе тем, кто играет с духами умерших.

Два романа под одной обложкой. Две книги в одной — две новинки от Максима Кабира, лауреата премий «Рукопись года» и «Мастера ужаса», автора книг «Скелеты» и «Призраки». Две истории о том, как обычные подростки попытались вызвать Пиковую Даму — и к каким ужасным последствиям это привело. История самой Дамы — мстительно-го призрака, который не остановится, пока не заберет души тех, кто его позвал.

Читайте на свой страх и риск. И — не смотрите в зеркала...

© Максим Кабир, текст, 2020

© ООО «Форс Медиа», обложка, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

ЧЕРНЫЙ ОБРЯД

1

Ветка клена скребла по подоконнику жалобно-жалобно. Цокала о стекло, словно о чем-то предупреждая. Из гостиной лились веселые беспечные голоса, тренькало мелодично — Матвей перебирал струны акустической гитары. Наигрывал что-то бодрое. Но Ане казалось, будто от друзей ее отделяет немыслимая пропасть: километры темного коридора. И она поседет в лабиринте огромной выхолощенной квартиры, прежде чем вернется к остальным.

Распаяля богатую фантазию, протяжным скрипучим зевком затворилась туалетная дверь. Затиш, булькнув, гулкий бачок. Аня застыла в размазанном шлепке света. Лампочки здесь были бессильны противостоять могущественной темноте. Сколько бы энергии они не производили, их смелость, сумасбродная отвага, измеряемая в киловаттах, испарялась перед духом квартиры: маленькие рыцари-лампочки постоянно гибли, словно поедаемые драконом, обитающим в щелях, в углах, гнездящимся на пыльных антресолях. Но про антресоли Аня старалась не думать.

Она переминалась с ноги на ногу в световой лужице, натекшей из ванной. Кухня — самая

обыкновенная, напичканная современной техникой — белой, гладкой, блестящей,— сейчас превратилась в мрачное обиталище теней. Вон высокий бесплотный визитер притаился за чуть шевелящейся занавеской. Голубая ткань вздымается и опадает в такт с его дыханием. Вон тенькот вальяжно курсирует по полке, хотя у Рюминых нет котов. Аня мечтала о питомце, но мама отказывалась наотрез. Ссылалась на аллергию. Чистой воды вранье.

Лысый клен покачивался в блеклом прямоугольнике окна. Тыкался в карниз. Ветер бодал стеклопакеты. Была ранняя весна, холодная и враждебная.

Аня стиснула кулаки, напомнила себе, что она давно не ребенок. Семикласснице зазорно бояться собственной квартиры — даже такой угрюмой и бессмысленно большой. А после того, как папа съехал от них, квартира увеличилась вдвое, разрослась непомерно. И вместо папы завелись слепленные из сгустков темноты квартиранты. Таинственные соседи, прячущиеся от глаз.

Вот почему, узнав, что мама опять уезжает по своим чертовски важным антикварным делам, Аня позвала гостей. Было невыносимо куковать тут одной, когда мимо межкомнатных дверей крадутся тени, когда петлистые силуэты возникают на потолке, а мысли об антресолях назойливо лезут в голову.

Аня твердила, что это просто подъемный кран моргает маячками, двигает стрелой снаружи. Просто сквозняк колышет занавески, просто дерево царапает мокрую карнизную жуть. Привидения бывают только в кино и в книгах.

«Ты должна помогать мне»,— говорила мама устало.

И она не обременяла маму глупыми тревогами.

Аня лишь надеялась, что пока она мнетя у туалета, гости переключились на другую тему. Перестали обсуждать штуки, которые пугают и днем, а уж поздно вечером... среди маминого старинного барахла...

Кран обронил в мойку каплю. Загудели печально трубы. Ветер выл, продувая каркасы соседних недостроенных зданий — скелеты, торчащие в голом поле. Сверху микрорайон походил на груды вымерших великанов, чья плоть истлела, оголив бетонные кости.

Вообще-то Ане нравилась кухня. Иероглифы на духовке, белоснежный японский холодильник. Новые вещи, а не старье, которое мама покупала втридорога. Все те тумбы, обветшалые столики с шахматными квадратиками на столешницах и ящичками для ферзей и пешек, плетеные детские колыбели (дети, агукавшие в них, давно выросли, постарели и умерли)... За антиквариатом тянулся шлейф чужих историй. Не всегда приятных. Их уголки были отбиты, позолота осыпалась, червоточины испещрили дерево. Иные предметы появлялись и пропадали, перепроданные. Иные задерживались, и папа умолял арендовать помещение и складировать их там или свозить на дачу с глаз долой.

Но мама не слушала, а на дачу в итоге уехал отец. В ЗАГС, а потом — на дачу. У него там и водопровод, и газ, и ванна, и четвертый «PlayStation». Куда лучше, чем жить в музее.

— Что это за рухлядь? — ужасался папа очередной покупке.

— Сам ты рухлядь, Антон,— парировала мама.— Это парадное ложе. Девятнадцатый век! И ты за полгода не заработаешь в своей мастерской столько, сколько оно нам принесет.

Аня вздохнула. Прислушалась. Смех, бречающие гитары. Нормальные разговоры, возможно, о сериалах «Марвел», аниме или о «Евровидении».

«Трусиска»,— укорила она себя.

Погрозилась пальцем клёну, оставив включенным свет в ванной, посеменила на звук голосов.

Мама скептически относилась к великовозрастным друзьям Ани, но к чему мама не относилась скептически? Ах да, к парадному ложу и подвижной кровати для прислуги. Будто несколько лет разницы имели какое-то значение. Будто Кате неинтересно с Аней. Еще как интересно! И любую беседу она в силах поддерживать. Ровесники скучные, а со взрослыми ребятами есть о чем поболтать. И здорово же, что пока мама путешествует по нудным аукционам, охотится на раритетную мебель, Аня может скоротать вечер с умными и веселыми соседями.

— Мы переживали, что ты заблудилась,— лопухий Чижик перевел на Аню глазок камеры. Про Чижика мама не знала — достаточно ей было одиннадцатиклассника Матвея и Кати, вообще студентки техникума. Чижик слыл раздолбаем, его даже в полицию забирали зимой, за то, что исследовал окрестные стройки. Достали горяченького с шестого этажа обледеневшей коробки. А Аня считала Чижика классным и смешным.

— Снова снимаешь? — Аня показала мобильнику язык.

— Для моего блага,— пояснил Чижик.— Это у нас Анька, хозяйка музея. Зацените, чуваки.— И Чижик, для подписчиков, коих набралась уже сотня-другая, повел камерой по антиквариату.

Гости скучились в центре просторной комнаты. Люстра под высоченным потолком цедила неяркий свет, фаршировала гостиную обязательными вездесущими тенями. Матвей и Чижик сидели на полу, красавица — на тосканской тахте. Вокруг них дыбилась, горбилась, пылилась воплотившаяся в деревянных чудовищ история. Лакированные, золотистые, почерневшие от времени, отремонтированные и нуждающиеся в ремонте кушетки, мередьены, кресла-бергеры и кресла-сундуки. Мамина гордость и главный доход Рюминых. Порой Аня задавалась вопросом, не эти ли колченогие уродцы изгнали отца из дома? Не потому ли он ушел год назад, что, вкалывая в поте лица, получал копейки, особенно если сравнивать с маминым доходом?

«Какому мужчине,— думала смышленная Аня,— приятно зарабатывать меньше жены? Да никому!»

И то, что Рюмины жили в непомерно огромной квартире, в новенькой высотке в расширяющемся перспективном микрорайоне,— это заслуга мамы. Мама и ее виндзорских кресел, а не папиного старания.

— Это что? — Чижик указал на ящик, драпированный шелком, увитый виноградным узором.

— Шкафчик для Библии,— сказала Аня, устраиваясь возле Кати. Она поднаторела в таких вопросах, хоть сейчас на аукцион.

— И что,— спросил Матвей,— это правда стоит больших денег?

— Правда.— Аня поджала под себя ноги.— Ему сто пятьдесят лет. А тому зеркалу — все двести.

Старшие друзья осмотрели с уважением метровое зеркало в раме из дуба. Оно стояло на длинном приземистом комодке. Узкое, напоминающее окно-бойницу. Орнамент рамы имитировал дорические колонны — Аня нахваталась от родительницы мудреных терминов. Мама ведь только о мебели и говорила. Денно и ночью.

Амальгама была темной, какой-то противно грязной, сальной, в мушках, словно мелкие насекомые забились под стекло и дружно подошли. Вверху зеркало растрескалось, разделилось на ячейки. Зигзагообразная трещина змеилась вдоль рамы до нижней части. Разбивала надвое отраженный шкаф — коричневый шкафище с мраком и пылью внутри.

— Тебе не бывает здесь страшно? — вдруг спросила Катя.

— Нет,— быстро ответила — соврала — Аня. Не хватало прослыть малолеткой, верящей в бабаек.— Чего бояться? Хлама?

— Ну,— Катя покосилась на громаду шкафа,— я в детстве думала, в гардеробе живет тролль.

Ане нравилась Катя. Искренняя, напористая, не лезущая за словом в карман. Одновременно и пацанка, сорвиголова, и барышня, которая ловко использует эффектную внешность себе во благо. Аня даже волосы стала зачесывать так же, как подруга. Радовало, что Катя — восемнадцатилетняя! — общается с ней на равных.

— Почему тролль? Почему не хоббит? — осклабился лопохий Чижик.

— Хоббит у нас один,— сказала Аня.— И это ты.

— Не буду спорить.— Чижик задрал штанину, обнажая волосатые икры.

За стенами монотонно подвывал ветер, приносил из степи мелкий сор. Лунная четвертинка висела над долгостроем.

— Мы говорили о Пиковой Даме,— напомнил Матвей.

Аня, к марту перечитавшая всю литературу за учебный год и заглядывавшая уже в школьную программу восьмого класса, проявила интеллект:

— Это повесть Пушкина, да?

— Нет.— Катя сверкнула жемчужными зубками.— Мы про настоящую Пиковую Даму.

— Настоящую?

— Расскажи ей.— Матвей окунул пятерню в свои золотистые кудри.— Она не из пугливых.

Аня уставилась на Катю. Фраза польстила ей. Теперь главное — соответствовать. Даже если будет страшно.

— Слышали,— начала Катя под прицелом чижиковской камеры,— что дама пик в карточной колоде ассоциируется с несчастьем? Это не случайно. Пиковая Дама существует, и ее можно увидеть.

Выходит, тема не сменилась, зря Аня пережидала в туалете, считала секунды. От дурацкого Слендермена, от сатанистов и маньяка из Лесополосы перескочили к какой-то там Даме. Аня догадывалась: чтобы пощекотать нервы. Вот зачем папа вечерами играл в компьютерные игры — из комнаты звенела страшная музыка, рычали свирепые монстры и бухали гранаты. Взрослые находили в жутких историях сомнительное удоволь-

ствии, Ане недоступное. Что хорошего — бродить по населенному мутантами лесу, пускай и состоящему из пикселей? В километре от микрорайона есть реальная роща, не лучше ли погулять там с дочерью, собрать гербарий, покормить белок?

Слендермена выдумали на интернет-форуме. Сатанистами считали невинных подростков с пирсингом, шатающихся по заброшкам. А пресловутый Зверь Лесополосы мотал тюремный срок далеко на севере. Аня понимала все это, но фантазия оживляла истории, и они входили в разговор с тенями.

— Расскажи ей про самоубийцу,— сказал Чижик.

Катя смерила Аню внимательным взглядом, словно убеждалась, что та достаточно взрослая. Комод-саркофаг протер к молодежи могильную тень. Комочки пыли шевелились в щелях.

— Чувак один, студент... вызвал ее у себя в ванной. Сначала услышал шаги, скрип ножниц. Знаете, таких портняжных...— Катя продемонстрировала на пальцах длину лезвий.— Потом женщина во всем черном появилась. Прямо в зеркале...

Друзья внимали негромкому голосу, затаив дыхание. Чижик целился мобильником. Матвей переводил взор с Кати на Аню. И Ане сделалось неудобно — ладно бы на кухне говорить о потусторонних женщинах. Там холодильник, соковыжималка и пароварка. Хорошие современные вещи. Но в гостиной... где древнее зеркало отражает древний шкаф... Где теней больше, чем предметов, которые могут их отбрасывать... где антресоли...

«Не будь ребенком,— отчитала себя Аня.— Если хочешь, чтобы они дружили с тобой».

— И чего? — поторопил Чижик.

— Ничего.— Катя пододвинулась вперед, светлые волнистые локоны зашторили серьезное лицо.

«Вот и хорошо, что ничего»,— подумала Аня, ерзая.

Ей хватило баек про маньяка, душившего невинных детишек.

— Сначала ничего,— сказала Катя многозначительно.— Но дальше... каждый раз, как он в зеркало смотрел... она смотрела на него. Женщина в черном. Она ему волосы отстригать стала.— Катя разрежала воздух указательным и средним пальцами. Чик. Чик.— Несчастье приносить.

Аня облизала губы.

— Парень реально на стрем подсел. Кому ни рассказывал эту историю, все над ним смеялись.

«По-моему, ничего смешного».

На полу между мальчиками и тахтой стояли чашки с пепси, блюдца с горками чипсов. Ане захотелось картошкой загрызть вкрадчивые слова подружки, газировкой смыть горечь. Но она опасалась, что рука, потянувшаяся за чашкой, будет дрожать, и сцепила похолодевшие пальцы.

— Родаки как родаки,— сказала Катя.— Не поверили, ясное дело. В психушку отправили. Врачи диагностировали вялотекущую шизофрению. А закончилось тем, что он наглотался жидкости, которой трубы прочищают. Сжег горло и умер.

— Гонишь,— сказал Чижик восторженно.

— Гонишь ты,— парировала Катя.— Шкурку под одеялом.

Аня не поняла, про какую шкурку идет речь. Матвей улыбнулся — хорошая, добрая у него

улыбка,— отметила Аня. Лишь бы не думать про эффект, который может произвести на человеческий организм средство для устранения канализационных засоров. В ванной стоит синяя бутылка с изображением мультяшного крота.

— Это же страшилка пионерская,— сказал Чижик.— Как про жвачного монстра или гроб на колесах.

Такие страшилки Аня знала, и они ее не пугали.

— Проверить — проще простого,— сказала Катя.

— Как? — спросил Матвей.

Для Ани в этот момент комната стала еще больше. Гигантская пещера со сталактитами и сталагмитами тьмы — и горстка людей жметя на крохотном освещенном пятачке. А если электричество отключится, как частенько бывало? Если во мраке кто-то коснется плеча? Завизжит она? Ой, еще как завизжит.

— Друзья,— обратился к подписчикам блогер Чижик,— записывайте рецепт.

— Нужна помада,— сказала Катя.— Помадой рисуешь на зеркале дверь и от двери лесенку. Свечку ставишь и три раза говоришь: «Пиковая Дама, приди».

Матвей потер руки. Его глаза горели.

— Пробовать будем?

— Слова не мальчика, но мужа,— воодушевился Чижик. Перевел камеру на себя.— Друзья, сейчас вы станете свидетелями удивительного и чертовски опасного эксперимента. Подписывайтесь, ставьте лайк и бейте в колокольчик, чтобы ничего не пропустить.

Камера снова вперилась в девочек. Подписчики смогут насладиться побледневшим лицом Ани.

Тахта скрипнула. Отозвались скрипучим хором половицы.

— Давайте не будем,— сказала Аня.— Давайте лучше клипы посмотрим. У «Ленинграда» вышел...

— Я думал, ты тут самая смелая,— сказал Матвей.

Под ложечкой засосало. Матвей, Чижик, Катя, камера с подписчиками — все смотрели на Аню. Она колебалась.

— Я...

— Вот и умница,— хлопнул в ладоши Матвей.— Тащи сюда свечку.

Свеча — толстая, новая, красная — нашлась в ящике. Мама держала на случай перебоев с энергией.

«Страшилка,— думала Аня, наблюдая за приготовлениями.— Гробик на колесиках».

Аня собиралась вручить свечу друзьям. Катя чиркнула спичкой — голубое пламя коснулось фитилька, и над воском распустился оранжевый язычок. Аня опешила со свечой в руках.

— Не дрейфь,— подбодрил Чижик, фиксируя происходящее на мобильник.

— Кто дрейфит? — фыркнула Катя,— да она смелее тебя в тысячу раз.— Да, Ань? — Катя подмигнула.

— Да,— твердо заявила Аня.

Она отринула нелепые детские страхи и повернулась к комоду. Вторая свеча загорелась в обрамленном колоннами вертикальном окошке.

Друзья встали за спиной. За ними встал непроходимая стеной мрак. Гостиная сузилась до моргающего кокона, уместившего четверых ребят, но Аня чувствовала порами просторы, таящиеся вне светового круга. *Населенные просторы, урчащие антресоли.*

Мама ехала со столичного аукциона, везла очередное старье эпохи гороховых царей. Папа пил пиво на даче и отстреливал компьютерных вурдалаков. А Аня была одна. С друзьями рядом, но абсолютно одна в полумраке.

Косая трещина расщепила его силуэт. Мушки и сколы искажали картинку. А вдруг зеркала обладают памятью? И люди, прихорашивавшиеся перед ними, оставляют внутри кусочек себя — так одежда, цепляясь за колючки, оставляет лоскутья болтаться на ветру. Умершие люди... потускневшие призраки...

Дублер смотрел из зеркала сосредоточенно. Пламя искрилось в глазах, наполняло их желтым светом. Лицо восковое — дурная копия настоящего Аниного лица. И позади — смутные фигуры, одна из которых сует серебристый патрон и говорит:

— Рисуй.

Аня не шелохнулась, зачарованная гладью амальгамы.

— Мелкая, рисуй, — голос Матвея.

— Знаете, я не буду.

— Ань, мы договаривались.

«Любопытно, когда именно?»

— Ты че, зассала?

Аня не удивилась бы, прозвучи этот вопрос из уст вредного Чижика. Но Чижик молча снимал.